

Р-61

Родоначальники

Позитивизма.

Выпускъ четвертый.

Огюстъ Контъ.

Переводъ И. А. ШАПИРО.

Подъ редакціей Э. Л. РАДЛОВА.

Цена 1 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ „БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ“.
1912.

== НОВОЕ ИЗДАНИЕ ==

Акц. Общ. БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ. СПБ., Прачешный пер., 6.

При участіи профессоръ М. М. КОВАЛЕВСКАГО и Н. И. КАРЬЕВА.

СЕРІЯ ИЗЪ ПЯТИ ВЫПУСКОВЪ ПОДЪ ОБЩИМЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

РОДОНАЧАЛЬНИКИ ПОЗИТИВИЗМА.

Настоящее изданіе имѣетъ цѣлью ознакомить читателей съ первоисточниками и постепеннымъ развитіемъ позитивизма. Сюда вошли впервые появляющіяся на русскомъ языкѣ, наиболѣе выдающіяся произведенія, разрабатывающія позитивныя идеи, начиная отъ Тюрго до Огюста Конта включительно.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

Выпускъ I. Предисловіе проф. М. М. Ковалевскаго.

- I. Иммануиль Кантъ, «Идея всеобщей исторіи».
- II. Его же, «Предполагаемое начало исторіи человѣчества».
- III. Тюрго, «Послѣдовательные успѣхи человѣческаго разума».
- IV. Его же, «Разсужденіе о всеобщей исторіи».
- V. Д'Аламберъ, «Очеркъ происхожденія и развитія наукъ».

Выпускъ II. Сень-Симонъ, «Катехизисъ промышленниковъ» (3-я часть написана Огюстомъ Контомъ).

Выпускъ III. 1) Сень-Симонъ, «Очеркъ науки о человѣкѣ». 2) Сень-Симонъ и Огюстенъ Тьери, «О преобразованіи европейскаго общества или о необходимости и средствахъ объединить всѣ европейскіе народы въ одно политическое тѣло, сохраняя каждому его національную независимость».

Выпускъ IV. Огюсть Контъ, «Общій обзоръ позитивизма». 1) «Курсъ позитивной философіи» (двѣ вступительныя лекціи). 2) «Общій обзоръ позитивизма»: часть 1-ая, «Основной духъ позитивизма»; часть 2-ая, «Соціальное назначеніе позитивизма, согласно его необходимому соотношенію съ совокупностью великой западной революціи».

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Выпускъ V. Огюсть Контъ, «Общій обзоръ позитивизма»: часть 3-ья, «Значеніе позитивизма для народа»; часть 4-ая, «Отношеніе позитивизма къ женщинѣ»; часть 5-ая, «Эстетическая способность позитивизма». Общее заключеніе: «Религія Человѣчества».

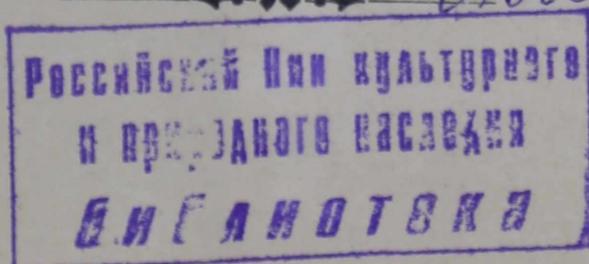
Родоначалъники
ПОЗИТИВИЗМА.

Выпускъ четвертый.

ОГЮСТЬ КОНТЪ.

Переводъ І. А. ШАПИРО.

Подъ редакціей Э. Л. РАДЛОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ „БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ“.
1912.

РОДОНОСЯЩАЯ ПЛОЩАДЬ

ПОЗНАТЛИВЫЕ

ВЫПУСКЪ ПЕТЕРБУРГА

ОТЪ СТОЛ

28330
~~04503~~ К

ВЫПУСКЪ ПЕТЕРБУРГА
1871
№ 1

I

Курсъ позитивной философіи ¹⁾.

ПЕРВАЯ ЛЕКЦІЯ.

Изложеніе цѣли этого курса, или общія соображенія о природѣ и значеніи позитивной философіи.

Въ этой первой лекціи я имѣю въ виду ясно изложить цѣль этого курса, т.-е. точно опредѣлить духъ, въ которомъ будутъ разсматриваться различныя основныя отрасли естественной философіи, указанныя въ представленной мною вамъ краткой программѣ.

Безъ сомнѣнія, характеръ этого курса можетъ быть вполне понятъ, настолько, чтобы составить себѣ о немъ окончательное мнѣніе, только послѣ того, когда его отдѣльныя части будутъ послѣдовательно развиты. Таково обыкновенно неудобство опредѣленій, относящихся къ очень обширнымъ системамъ идей, когда они предшествуютъ изложенію. Но общія положенія можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: либо какъ общій взглядъ на подлежащее доказательству ученіе, либо какъ выводъ изъ установленнаго уже ученія. Хотя эти положенія пріобрѣтаютъ всю цѣнность только тогда, когда они разсматриваются со второй точки зрѣнія, но и при первой точкѣ зрѣнія они имѣютъ громадное значеніе, такъ какъ опредѣляютъ съ самаго начала предметъ изслѣдованія. Общее ограниченіе поля нашихъ изслѣдованій, произведенное со всей возможной строгостью, является, по нашему мнѣнію, вступленіемъ, въ особенности необходимымъ для столь обширнаго и до сихъ поръ столь мало опредѣленнаго труда, какъ тотъ, къ которому мы теперь приступаемъ. Именно вслѣдствіе этой логической необходимости я считаю нужнымъ теперь же указать вамъ рядъ основныхъ соображеній, которыя обусловили появленіе этого новаго курса и которыя впослѣдствіи будутъ развиты съ той подробностью, какую заслуживаетъ чрезвычайная важность cadaго изъ нихъ.

Чтобы надлежащимъ образомъ объяснить истинную природу и особый характеръ позитивной философіи, необходимо прежде всего бросить общій взглядъ на поступа-

¹⁾ Въ своемъ «Общемъ обзорѣ позитивизма» («Discours sur l'ensemble du positivisme»), который составитъ IV и V вып. нашей серіи, Контъ часто ссылается на свой шеститомный «Курсъ позитивной философіи». Чтобы ознакомить читателя съ этимъ капитальнымъ трудомъ и чтобы пополнить «Общій обзоръ», мы сочли необходимымъ помѣстить здѣсь двѣ вступительныя лекціи этого «Курса». *Пер.*

тельный ходъ человѣческаго разума, рассматривая его во всей совокупности, ибо никакая идея не можетъ быть хорошо понята безъ знакомства съ ея исторіей.

Изучая, такимъ образомъ, весь ходъ развитія человѣческаго ума, въ различныхъ областяхъ его дѣятельности, отъ его первоначальнаго проявленія до нашихъ дней, я, какъ мнѣ кажется, открылъ великій основной законъ, которому это развитіе въ силу неизмѣнной необходимости подчинено, и который можетъ быть твердо установленъ либо путемъ раціональныхъ доказательствъ, доставляемыхъ познаніемъ нашего организма, либо посредствомъ историческихъ данныхъ, извлекаемыхъ при внимательномъ изученіи прошлаго. Этотъ законъ заключается въ томъ, что каждая изъ нашихъ главныхъ концепцій, каждая отрасль нашихъ знаній послѣдовательно проходитъ три различныхъ теоретическихъ состоянія: состояніе теологическое или фиктивное; состояніе метафизическое или отвлеченное; состояніе научное или позитивное. Другими словами, человѣческій разумъ, въ силу своей природы, въ каждомъ изъ своихъ изслѣдованій пользуется послѣдовательно тремя методами мышленія, характеръ которыхъ существенно различенъ и даже прямо противоположенъ: сначала методомъ теологическимъ, затѣмъ метафизическимъ и, наконецъ, позитивнымъ. Отсюда возникаютъ три взаимно исключаютельныхъ другъ друга вида философіи, или три общія системы воззрѣній на совокупность явленій; первая есть необходимый отправной пунктъ человѣческаго ума; третья—его опредѣленное и окончательное состояніе; вторая предназначена служить только переходной ступеню.

Въ теологическомъ состояніи, человѣческій умъ, направляя свои изслѣдованія, главнымъ образомъ, на внутреннюю природу вещей, на первыя и конечныя причины всѣхъ поражающихъ его явленій, стремясь, однимъ словомъ, къ абсолютному знанію, рассматриваетъ явленія, какъ продукты прямого и непрерывнаго воздѣйствія болѣе или менѣе многочисленныхъ сверхъестественныхъ факторовъ, произвольное вмѣшательство которыхъ объясняетъ всѣ кажушіяся аномаліи міра.

Въ метафизическомъ состояніи, которое въ дѣйствительности не что иное, какъ общее видоизмѣненіе теологическаго состоянія, сверхъестественные факторы замѣнены отвлеченными силами, настоящими сущностями (олицетворенными абстракціями), нераздѣльно связанными съ различными предметами, которымъ приписывается способность самостоятельно порождать всѣ наблюдаемыя явленія, а объясненіе явленій сводится къ опредѣленію соответствующей ему сущности.

Наконецъ, въ позитивномъ состояніи, человѣческій разумъ, признавъ невозможность достигнуть абсолютныхъ знаній, отказывается отъ изслѣдованія происхожденія и назначенія вселенной и отъ познанія внутреннихъ причинъ явленій и всецѣло сосредоточивается, правильно комбинируя разсужденіе и наблюденіе, на изученіи ихъ дѣйствительныхъ законовъ, т.-е. неизмѣнныхъ отношеній послѣдовательности и пособія. Объясненіе фактовъ, приведенное къ его дѣйствительнымъ предѣламъ, является отнынѣ только установленіемъ связи между различными частными явленіями и нѣкоторыми общими фактами, число которыхъ уменьшается все болѣе и болѣе по мѣрѣ прогресса науки.

Теологическая система достигла наивысшей степени доступнаго ей совершенства, когда она поставила провиденціальное дѣйствіе единого существа на мѣсто разнородныхъ вмѣшательствъ многочисленныхъ, не зависящихъ другъ отъ друга божествъ,

существованіе которыхъ первоначально предполагалось. Точно также и крайній предѣлъ метафизической системы состоитъ въ замѣнѣ различныхъ частныхъ сущностей одной общей великой сущностью, природой, разсматриваемой какъ единственный источникъ всѣхъ явленій. Равнымъ образомъ, совершенство, къ которому постоянно, хотя, весьма вѣроятно, безуспѣшно, стремится позитивная система, заключается въ возможности представить всѣ наблюдаемыя явленія какъ частные случаи одного общаго факта, какъ, на примѣръ, тяготѣніе.

Здѣсь не мѣсто подробно доказывать этотъ основной законъ развитія человеческого разума и выводить наиболѣе важныя его слѣдствія. Мы разсмотримъ его съ надлежащей полнотой въ той части нашего курса, которая посвящена изученію социальныхъ явленій ¹⁾. Я говорю о немъ теперь только для того, чтобы точно опредѣлить истинный характеръ позитивной философи, сопоставляя ее съ двумя другими философскими системами, которыя до послѣдняго времени господствовали послѣдовательно надъ всей нашей умственной дѣятельностью. Но, чтобы не оставлять совершенно безъ доказательства столь важный законъ, который часто придется примѣнять въ этомъ курсѣ, я ограничусь здѣсь бѣглымъ указаніемъ на самыя общія и очевидныя соображенія, доказывающія его справедливость.

Во-первыхъ, достаточно, мнѣ кажется, провозгласить такой законъ, чтобы его справедливость была тотчасъ же проверена всѣми, кто нѣсколько глубже знакомъ съ общей исторіей наукъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни одной науки, достигшей въ настоящее время позитивнаго состоянія, которую въ прошломъ нельзя было бы себѣ легко представить, состоящей преимущественно изъ метафизическихъ отвлеченій, а въ болѣе отдаленныя эпохи даже и находящейся всецѣло подъ вліяніемъ теологическихъ понятій. Въ различныхъ частяхъ этого курса, мы, къ сожалѣнію, не разъ должны будемъ признать, что даже наиболѣе совершенныя науки сохраняютъ еще теперь нѣкоторыя весьма замѣтные слѣды этихъ двухъ первоначальныхъ состояній.

Это общее измѣненіе человеческого разума можетъ быть теперь легко установлено весьма осязательнымъ, хотя и косвеннымъ путемъ, а именно разсматривая развитіе индивидуальнаго ума. Такъ какъ въ развитіи отдѣльной личности и цѣлаго вида отправной пунктъ необходимо долженъ быть одинъ и тотъ же, то главныя фазы перваго должны представлять основныя эпохи втораго. И не вспомнить ли каждый изъ насъ, оглянувшись на свое собственное прошлое, что онъ по отношенію къ своимъ важнѣйшимъ понятіямъ былъ теологомъ въ дѣтствѣ, метафизикомъ—въ юности и физикомъ—въ зрѣломъ возрастѣ? Такая повѣрка доступна теперь всѣмъ людямъ, стоящимъ на уровнѣ своего вѣка.

Но кромѣ общаго или индивидуальнаго прямого наблюденія, доказывающаго справедливость этого закона, я долженъ въ этомъ краткомъ обзорѣ особенно указать еще на теоретическія соображенія, заставляющія чувствовать его необходимость.

Наиболѣе важное изъ этихъ соображеній, по черпнутое въ самой природѣ предмета, заключается въ томъ, что во всякую эпоху необходимо имѣть какую-нибудь

¹⁾ Подробности объ этомъ законѣ читатель найдетъ во второмъ выпускѣ настоящей серіи («Катехизисъ промышленниковъ», 3-я тетрадь).

теорію, которая связывала бы отдѣльные факты, создавать же теоріи на основаніи наблюденій было, очевидно, невозможно для человѣческаго разума въ его первоначальномъ состояніи.

Всѣ здравомыслящіе люди повторяютъ со времени Бэкона, что только тѣ знанія истинны, которыя опираются на наблюденія. Это основное положеніе, очевидно, безспорно, если его примѣнять, какъ это и слѣдуетъ дѣлать, къ зрѣлому состоянію нашего ума. Но относительно образованія нашихъ знаній не менѣе очевидно, что человѣческой разумъ первоначально не могъ и не долженъ былъ мыслить такимъ образомъ. Ибо, если, съ одной стороны, всякая позитивная теорія необходимо должна быть основана на наблюденіяхъ, то, съ другой—для того, чтобы заниматься наблюденіемъ, нашъ умъ нуждается уже въ какой-нибудь теоріи. Если бы созерцающія явленія, мы не связывали ихъ съ какими-нибудь принципами, то для насъ было бы совершенно невозможно не только сочетать эти разрозненные наблюденія и, слѣдовательно, извлекать изъ нихъ какую-либо пользу, но даже и запоминать ихъ; и чаще всего факты оставались бы незамѣченными нами.

Такимъ образомъ, подъ давленіемъ, съ одной стороны, необходимости дѣлать наблюденія для образованія истинныхъ теорій, а съ другой—не менѣе повелительной необходимости создавать себѣ какія-нибудь теоріи для того, чтобы имѣть возможность заниматься послѣдовательнымъ наблюденіемъ, человѣческой разумъ долженъ былъ оказаться съ момента своего рожденія въ заколдованномъ кругу, изъ котораго онъ никогда не выбрался бы, если бы ему, къ счастью, не открылся естественный выходъ благодаря самопроизвольному развитію теологическихъ понятій, объединившихъ его усилія и давшихъ пищу его дѣятельности. Таково, независимо отъ связанныхъ съ нимъ важныхъ соціальныхъ соображеній, которыхъ я не могу теперь касаться, основное положеніе, доказывающее логическую необходимость чисто-теологическаго характера первоначальной философіи.

Эта необходимость становится еще болѣе осязательной, если обратить вниманіе на полное соотвѣтствіе теологической философіи съ самой природой тѣхъ изслѣдованій, на которыхъ человѣческой разумъ въ своемъ младенствѣ преимущественно сосредоточиваетъ свою дѣятельность.

Въ самомъ дѣлѣ, весьма замѣчательно, что нашъ умъ въ этомъ первоначальномъ состояніи ставитъ себѣ настойчивѣе всего именно наиболѣе недоступные нашимъ познавательнымъ средствамъ вопросы, какъ-то: о внутренней природѣ вещей, о происхожденіи и цѣли всѣхъ явленій, между тѣмъ какъ всѣ дѣйствительно разрѣшимыя проблемы считаются почти недостойными серьезныхъ размышленій. Причину этого явленія легко понять: ибо только благодаря опыту мы могли познать размѣръ нашихъ силъ; и если бы человѣкъ въ началѣ не имѣлъ о нихъ преувеличеннаго мнѣнія, онъ никогда не могли бы достигнуть всего того развитія, къ которому онъ способенъ. Этого требуетъ наша организація. Какъ бы то ни было, представимъ себѣ, насколько это возможно, такое всеобщее и такъ рѣзко выраженное настроеніе умовъ, и зададимся вопросомъ, какой приемъ встрѣтила бы въ ту эпоху позитивная философія,—предполагая, что она могла бы тогда образоваться—высшая цѣль которой состоитъ въ отысканіи законовъ явленій и главная характеристическая черта которой заключается именно въ признаніи недоступными для человѣческаго разума всѣхъ воз-

вышнихъ тайнъ, удивительно просто и легко объясняемыхъ до малѣйшихъ подробностей теологической философіей?

То же самое можно сказать, разсматривая съ практической точки зрѣнія природу изслѣдованій, занимающихъ первоначально человѣческой умъ. Въ этомъ отношеніи они сильно привлекаютъ человѣка перспективой неограниченной власти надъ внѣшнимъ міромъ, какъ бы всецѣло предназначеннымъ для нашего пользованія и находящимся во всѣхъ своихъ явленіяхъ въ тѣсныхъ и непрерывныхъ отношеніяхъ съ нашимъ существованіемъ. Всѣ эти несбыточные надежды, всѣ эти преувеличенныя представленія о значеніи человѣка во вселенной, которыя порождаетъ теологическая философія и которыя падаютъ при первомъ прикосновеніи позитивной философіи, являются въ началѣ тѣмъ необходимымъ стимуломъ, безъ котораго совершенно нельзя было бы понять первоначальную рѣшимость человѣческаго разума взяться за трудныя изслѣдованія.

Мы теперь такъ далеки отъ этихъ первичныхъ настроеній, по крайней мѣрѣ по отношенію къ большинству явленій, что намъ трудно ясно представить себѣ силу и необходимость подобныхъ соображеній. Человѣческой разсудокъ теперь настолько созрѣлъ, что мы предпринимаемъ трудныя научныя изысканія, не имѣя въ виду никакой посторонней цѣли, способной сильно дѣйствовать на воображеніе, въ родѣ той, которой задавались астрологи или алхимики. Наша умственная дѣятельность въ достаточной степени возбуждается одной надеждой открыть законы явленій, простымъ желаніемъ подтвердить или опровергнуть какую-нибудь теорію. Но такъ не могло быть въ младенческомъ состояніи человѣческаго разума. Безъ увлекательныхъ химеръ астрологій, безъ могущественныхъ обмановъ алхиміи, гдѣ, напримѣръ, почерпнули бы мы постоянство и усердіе, необходимыя для длиннаго ряда наблюденій и опытовъ, которые позже послужили фундаментомъ для первыхъ позитивныхъ теорій того и другого класса явленій.

Это условіе нашего умственнаго развитія для астрономіи давно уже ясно почувствовалъ Кеплеръ, а для химіи справедливо оцѣнилъ въ наше время Бертоле.

* * *

Всѣ эти соображенія, такимъ образомъ, показываютъ, что хотя позитивная философія дѣйствительно представляетъ собой окончательное состояніе человѣческаго ума, къ которому онъ неизмѣнно все сильнѣе и сильнѣе стремился, она, тѣмъ не менѣе, необходимо должна была въ началѣ и притомъ въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ пользоваться то какъ предварительнымъ методомъ, то какъ предварительной теоріей, теологической философіей, отличительной чертой которой является ея самопроизвольность, въ силу которой она сначала была единственно возможной и также единственно способной достаточно заинтересовать нашъ рождающійся умъ. Теперь очень легко понять, что для перехода отъ этой предварительной философіи къ окончательной человѣческой разумъ естественно долженъ былъ усвоить, въ качествѣ посредствующей философіи, метафизическіе методы и доктрины. Это послѣднее соображеніе необходимо для пополненія общаго обзора указаннаго мною великаго закона.

Не трудно, въ самомъ дѣлѣ, понять, что нашъ умъ, вынужденный двигаться

съ почти незамѣтной постепенностью, не могъ перейти вдругъ и непосредственно отъ теологической философіи къ позитивной. Теологія и физика такъ глубоко несовмѣстимы, ихъ понятія настолько противорѣчатъ другу другу, что прежде чѣмъ отказаться отъ однихъ, чтобы пользоваться исключительно другими, человѣческой умъ долженъ былъ прибѣгать къ посредствующимъ концепціямъ, имѣющимъ смѣшанный характеръ и способнымъ въ силу этого содѣйствовать постепенному переходу. Таково естественное назначеніе метафизическихъ понятій: они не приносятъ никакой иной дѣйствительной пользы. Замѣняя при изученіи явленій сверхъестественное направляющее дѣйствіе соотвѣтственной и нераздѣльной сущностью, разсматриваемую сначала только какъ эманация первой, человѣкъ мало-по-малу научился обращать вниманіе на самые факты, понятія же о метафизическихъ причинахъ постепенно утончались до тѣхъ поръ, пока не превратились у всѣхъ здравомыслящихъ людей просто въ отвлеченныя наименованія явленій. Невозможно представить себѣ какимъ инымъ путемъ нашъ умъ могъ бы перейти отъ явно сверхъестественныхъ къ чисто естественнымъ соображеніямъ, отъ теологическаго къ позитивному образу мышленія.

Установивъ, такимъ образомъ, поскольку я могъ это сдѣлать, не вдаваясь въ неумѣстныя здѣсь подробныя разсужденія, общій законъ развитія человѣческаго разума, какъ я его понимаю, намъ легко будетъ сейчасъ же точно опредѣлить истинную природу позитивной философіи, что составляетъ главную задачу настоящей лекціи.

Изъ предшествовавшаго мы видимъ, что основной характеръ позитивной философіи выражается въ признаніи всѣхъ явленій подчиненными неизмѣннымъ естественнымъ законамъ, открытіе и сведеніе числа которыхъ до минимума и составляетъ цѣль всѣхъ нашихъ усилій, причемъ мы считаемъ безусловно недоступнымъ и бессмысленнымъ исканіе такъ называемыхъ причинъ какъ первичныхъ, такъ и конечныхъ. Безполезно долго распространяться о принципѣ, который теперь хорошо извѣстенъ всякому, кто сколько-нибудь глубже изучалъ науки наблюденія. Дѣйствительно, всякій знаетъ, что въ нашихъ позитивныхъ объясненіяхъ, даже наиболѣе совершенныхъ, мы не стремимся указывать причины, производящія явленія, такъ какъ, такимъ образомъ, мы только отдаляли бы затрудненія; но мы ограничиваемся тѣмъ, что точно анализируемъ условія, въ которыхъ явленія происходятъ, и связываемъ ихъ другъ съ другомъ естественными отношеніями послѣдовательности и подобія.

Такъ,—я привожу наиболѣе замѣчательный примѣръ—мы говоримъ, что общія міровыя явленія объясняются, насколько это возможно, ньютонскимъ закономъ тяготѣнія, ибо, съ одной стороны, эта прекрасная теорія намъ показываетъ, что все неисчислимое разнообразіе астрономическихъ явленій представляетъ одинъ и тотъ же фактъ, разсматриваемый съ различныхъ точекъ зрѣнія: постоянное стремленіе частицъ другъ къ другу пропорціонально ихъ массамъ и обратно пропорціонально квадрату разстоянія между ними; съ другой же стороны, этотъ общій фактъ намъ представляется какъ простое обобщеніе чрезвычайно знакомаго намъ явленія, разсматриваемаго нами въ силу этого какъ вполнѣ извѣстное, именно, тяжести тѣлъ на земной поверхности. Что касается опредѣленія того, что такое сами

точки зрѣнія, здѣсь является только полное уничтоженіе королевской власти, которая, въ какой бы формѣ она ни существовала, составляла съ давнихъ поръ во Франціи и даже, въ меньшихъ степеняхъ, на всемъ западѣ символъ регресса.

Это торжественное признаніе главенства социальнаго чувства—главная заслуга республиканской формы правленія—прямо отвергаетъ всякое притязаніе на непосредственное созданіе окончательнаго режима, такъ какъ это противорѣчитъ добросовѣстному исканію реального рѣшенія, предполагающаго наличность систематическихъ условій, источникомъ которыхъ не могутъ быть современные остатки прежнихъ доктринъ. Требуя, чтобы умственное и нравственное преобразование отнынѣ было искренно предоставлено свободному соперничеству всѣхъ мыслителей, истинные философы будутъ, такимъ образомъ, говорить отъ имени республики, для которой чрезвычайно важно помѣшать теперь стѣснительному освященію какого-либо изъ нерациональныхъ вѣрованій. Подобная поддержка будетъ гораздо болѣе цѣлесообразна для обезпеченія полной философской свободы противъ вредныхъ излишествъ политическаго движенія, чѣмъ инстинктивное сопротивленіе реакціонной власти, обнаруженное ею въ теченіе парламентарнаго перерыва.

Это сильное, но слѣпое отвращеніе къ непосредственному создаванію учрежденій, будетъ отнынѣ, къ счастью, замѣнено естественнымъ возрастаніемъ мудраго общественнаго равнодушія, вслѣдствіе неизбежнаго крушенія всѣхъ нестройныхъ попытокъ, внушенныхъ различными метафизическими утопіями. Единственная истинная философская опасность, которую можетъ представить новое политическое состояніе, заключается въ его стремленіи отвращать общество и даже мыслителей отъ всякаго глубокаго и продолжительнаго размышленія, побуждая ихъ отдаваться немедленнымъ практическимъ опытамъ, основаннымъ только на поверхностной и поспѣшной оцѣнкѣ. Слѣдуетъ признать, что наше современное настроеніе было бы совершенно неподходящимъ для первоначальной разработки преобразовательной доктрины, если бы эта доктрина не была уже проведена при принудительномъ равновѣсіи, которое одно только посвящало ей нашъ слабый умъ въ то время, какъ обезсиленная политическая реакція уже не въ состояніи была помѣшать свободному полету философской мысли. Но подлинная концепція возникла окончательно въ послѣднюю фазу ретрограднаго движенія; затѣмъ она развивалась и даже распространялась во время остановки его при парламентарномъ режимѣ. Въ настоящее время новая философія выступаетъ въ качествѣ руководительницы социальнымъ прогрессомъ, навсегда возобладавшимъ. Эти временныя настроенія, которыя могли бы помѣшать ея возникновенію, довольно благопріятны для ея оцѣнки, лишь бы только ея главные органы сумѣли всегда съ достоинствомъ избѣгать пошлаго соблазна, который побуждаетъ нынѣ многихъ мыслителей отдаваться интересамъ дня. Только позитивная философія способна хорошо оцѣнить ничтожество и серьезную опасность различныхъ метафизическихъ утопій, оспаривающихъ руководство окончательнымъ преобразованиемъ, и она вскорѣ отвлечетъ публику отъ этого бесполезнаго политическаго волненія, чтобы сосредоточить всеобщее вниманіе на полномъ обновленіи мнѣній и нравовъ на основаніи ея принциповъ.

Пока республиканское правленіе обезпечиваетъ позитивизму полную свободу, необходимую для его дѣйствительнаго назначенія, оно можетъ быть, съ другой точки

зрѣнія, разсматриваемо, какъ начало нормальнаго состоянія, постепенно опредѣляющаго основную независимость новой духовной власти отъ мѣстной или центральной временной власти. Не только правительство, въ собственномъ смыслѣ, вскорѣ вынуждено будетъ признать свою неспособность осудить общую доктрину, требующую наличности высокихъ научныхъ знаній, которымъ наши государственные люди большей частью чужды, но, кромѣ того, неурядицы, вызываемыя честолюбивыми мечтаніями метафизиковъ, неспособныхъ оцѣнить современное положеніе, побудятъ общество оказывать довѣріе только мыслителямъ, которые откажутся отъ всякой политической карьеры и торжественно посвятятъ себя философіи.

Такимъ образомъ, нормальное отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской, систематически проводимое позитивизмомъ, явится результатомъ нашего республиканскаго режима, который, увлекаясь соблазнительной легкостью непосредственныхъ примѣненій, вначалѣ какъ будто мѣшаетъ намъ въ этомъ дѣлѣ. Хотя кажется, что наши революціонные предрасудки насъ еще значительно удаляютъ отъ этого великаго соціальнаго принципа, однако, опытъ вскорѣ заставитъ правительство и общество признать его, чтобы обезпечить одновременно порядокъ и прогрессъ, которымъ одинаково угрожаютъ метафизическія утопіи. Всѣ истинные мыслители будутъ стараться даже преодолѣть слѣпое отвращеніе, внушаемое имъ этимъ принципомъ, и признаютъ, что если онъ и осуждаетъ ихъ пустое политическое честолюбіе, зато онъ имъ открываетъ огромное поприще благороднаго нравственнаго возвышенія. Помимо своего высокаго соціальнаго назначенія, этотъ новый путь одинъ только можетъ привести къ осуществленію справедливыхъ личныхъ притязаній на званіе истиннаго философа, которое въ настоящее время часто компрометируется стремленіемъ философовъ къ временнымъ успѣхамъ.

Г Л А В А XXV.

Девизъ 1830 года соотвѣтствовалъ политическому состоянію.

Истинный характеръ нашей современной политики настолько опредѣленъ общимъ состояніемъ, что практическій инстинктъ опередилъ въ этомъ отношеніи здравыя теоретическія указанія, какъ это доказываетъ удачный девизъ (свобода, общественный порядокъ), самопроизвольно возникшій у средняго класса въ началѣ долгаго неподвижнаго состоянія. Этотъ девизъ, авторъ котораго неизвѣстенъ, не имѣлъ никакой реальной связи съ ретроградными стремленіями пришедшей въ упадокъ королевской власти. Хотя онъ по существу эмпириченъ, тѣмъ не менѣе, его самопроизвольность дѣлаетъ его болѣе способнымъ, чѣмъ всякое другое метафизическое правило, формулировать два главныхъ условія породившей его соціальной среды.

Систематизируя это внушеніе общественной мудрости, здравая философія должна теперь его укрѣпить двойнымъ дополненіемъ, необходимымъ для его перваго назначенія, но слишкомъ противорѣчащимъ современнымъ предрасудкамъ для того, чтобы вытекать изъ какого-либо пракческаго источника. Оно состоитъ въ одновременномъ

развитіи двухъ членовъ формулы и провозглашаетъ истинную свободу обученія и главенство центральной власти надъ мѣстной.

Краткость этого разсужденія не можетъ мнѣ помѣшать дать здѣсь же, въ томъ и другомъ отношеніяхъ, хотя и чрезвычайно бѣглое, но полное резюме разъясненій, предназначенныхъ для четвертаго тома настоящаго трактата.

Г Л А В А XXVI.

Свобода обученія. Упраздненіе бюджета исповѣданій и бюджета Университета.

Отнынѣ позитивизмъ дѣйствительно составляетъ единственное систематическое ученіе, допускающее настоящую свободу изложенія и критики, которую не могутъ открыто провозгласить доктрины, неспособныя выдержать глубокой критики, такъ какъ онѣ не въ состояніи представить какихъ-либо рѣшительныхъ доказательствъ. Эта свобода, издавна обезпеченная по отношенію къ письменному изложенію, должна теперь распространиться на устное изложеніе и должна быть дополнена отказомъ свѣтской власти отъ всякой учебной монополіи.

Свободное обученіе, къ которому одинъ только позитивизмъ можетъ вполне искренно стремиться, стало необходимымъ для нашего состоянія: съ одной стороны какъ переходная мѣра, а съ другой даже какъ возвѣщеніе нормальнаго будущаго. Съ первой точки зрѣнія оно составляетъ необходимое условіе для признанія всякой доктрины, способной установить на основаніи тщательнаго обсужденія твердыя и общія убѣжденія, которыя считаетъ необходимымъ всякая законная система народнаго образованія, хотя она и не въ состояніи ихъ создать. Во второмъ отношеніи свобода преподаванія характеризуетъ уже окончательное состояніе, провозглашая совершенную некомпетентность всякой свѣтской власти въ дѣлѣ воспитанія.

Итакъ, позитивизмъ нисколько не отрицаетъ, что обученіе должно быть подчинено извѣстнымъ правиламъ. Но онъ устанавливаетъ, что организація учебнаго дѣла невозможна до тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться духовное междуцарствіе; и что когда она станетъ осуществимой, благодаря свободному вліянію всеобщей доктрины она будетъ исключительно принадлежать новой интеллектуальной и моральной власти. До тѣхъ поръ государство должно отказаться отъ всякой полной системы всеобщаго образованія, оно должно только мудро поощрять тѣ отрасли образованія, которыми обычно наиболѣе пренебрегаютъ въ частныхъ учебныхъ предпріятіяхъ, въ особенности, въ начальномъ образованіи. Тѣмъ не менѣе, однако, нужно заботливо поддерживать, усовершенствуя, поскольку это позволяетъ нынѣшнее состояніе знанія, различныя общественныя учрежденія для высшаго спеціальнаго образованія, основанныя или преобразованныя конвентомъ; ибо они содержатъ драгоцѣнные самопроизвольные зародыши будущей учебной системы. Но все то, что великое собраніе упразднило, должно быть теперь окончательно уничтожено, не исключая даже научныхъ академій, губительное умственное и нравственное вліяніе которыхъ показало послѣ ихъ возстановленія, насколько мудро было ихъ первоначальное закрытіе.

Справедливое постоянное попеченіе правительства о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ должно относиться не къ доктринѣ, а къ правамъ, позорно забытымъ современнымъ законодательствомъ. Вотъ единственная общая офіціальная функція, которую долженъ сохранить въ этомъ отношеніи нашъ временный режимъ. За исключеніемъ же этого, онъ долженъ предоставить всеобщее образованіе свободнымъ попыткамъ частныхъ обществъ, дабы создать почву для возникновенія окончательной системы, немедленное построеніе которой было бы только опасной мечтой.

Главное условіе подобной свободы состоитъ нынѣ въ одновременномъ уничтоженіи теологическаго и метафизическаго бюджетовъ, предоставляя каждому материально поддерживать то исповѣданіе и образованіе, которыя онъ предпочитаетъ. Это двойное упраздненіе должно, впрочемъ, производиться со справедливостью и великодушіемъ, подобающимъ дѣйствительному преобразованію, стоящему выше всякаго злобнаго соперничества; нужно будетъ, такимъ образомъ, соотвѣтственно вознаградить лицъ духовнаго и педагогическаго персонала, которымъ придется пострадать отъ мѣры, которую они не могли предвидѣть. Такое отношеніе значительно облегчитъ это необходимое слѣдствіе изъ состоянія, которое въ виду отсутствія какой-либо свободно господствующей доктрины, запрещаетъ, какъ ретроградный поступокъ, законное признаніе какой-либо изъ устарѣвшихъ системъ, нѣкогда оспаривавшихъ другъ у друга духовное главенство. Наши республиканскіе нравы уже достаточно благоприятны для этого режима, вопреки стремленію идеологовъ наследовать психологамъ въ пользованіи метафизическими выгодами.

Г Л А В А XXVII.

Преобладаніе центральной власти необходимо для обезпеченія общественнаго порядка.

Что касается условій общественнаго порядка, то систематическая санкція позитивизма должна ихъ также значительно укрѣпить, преодолѣвъ революціонные предрассудки противъ прямого преобладанія центральной власти. Метафизическое дѣленіе власти на исполнительную и законодательную составляетъ только невѣрное эмпирическое отраженіе великаго раздѣленія, возникшаго въ средніе вѣка между двумя элементами, необходимыми для управленія челоѣчествомъ. Не взирая на тщетныя попытки конституціи разграничить ихъ, мѣстная и центральная власть всегда будутъ оспаривать другъ у друга всю полноту свѣтскаго авторитета, нераціонально раздробленнаго между ними въ виду временной необходимости. Такъ какъ все прошлое Франціи было благоприятно для преобладанія центральной власти до эпохи ея вырожденія къ концу семнадцатаго вѣка, то предпочтеніе, оказываемое нами нынѣ мѣстной власти, составляетъ въ дѣйствительности историческую несообразность, которая стремится прекратиться одновременно съ прекращеніемъ опасеній, что можетъ наступить реакція.

Республиканское состояніе, давая намъ въ этомъ отношеніи прочную гарантію, векорѣ измѣнитъ обычное направленіе нашихъ политическихъ симпатій. Центральная

власть не только представляетъ единственную дѣйствительно отвѣтственную власть, но является нынѣ наиболѣе приспособленной для нашихъ существенныхъ потребностей благодаря практическому духу, который необходимо будетъ въ ней все болѣе и болѣе преобладать и который дѣлаетъ ее болѣе склонной открыто отказаться отъ всякаго притязанія на духовное главенство. Собраніе, представляющее мѣстную власть, вслѣдствіе своего двусмысленнаго характера часто, напротивъ, уклоняется въ сторону теоретическаго господства, между тѣмъ какъ оно не удовлетворяетъ ни одному изъ главныхъ условій, требуемыхъ послѣднимъ. Преобладаніе мѣстной власти было бы, такимъ образомъ, губительнымъ для истинной свободы изслѣдованія, въ которой она должна инстинктивно усматривать естественный источникъ духовнаго авторитета, призваннаго ограничить ея собственныи авторитетъ.

Только позитивизмъ, который въ настоящее время одинъ только можетъ оцѣнить эти различныя стремленія, смѣетъ также безповоротно провозгласить, что они систематически ведутъ къ предпочтенію центральной власти въ большинствѣ ея споровъ съ мѣстной властью. Философы, стоящіе выше всякаго подозрѣнія въ ретроградности или угодливости, отказывающіеся отъ всякаго служенія политикѣ и посвящающіе себя теперь духовному преобразованію, не побоятся энергично проповѣдывать прямое господство центральной власти и сведеніе мѣстной власти къ ея необходимымъ функціямъ. Нашъ республиканскій режимъ, несмотря на противорѣчащіе внѣшніе признаки, вскорѣ станетъ благопріятнымъ для этого спасительнаго преобразованія нашихъ первоначальныхъ революціонныхъ обычаевъ, такъ какъ оно разсѣетъ справедливое недовѣріе, внушенное ретрограднымъ духомъ королевской власти, а также облегчитъ на будущее время возможность подавлять всякое искаженіе, при чемъ мирное теченіе нашей обычной политики не будетъ нарушаться боязнью передъ случайностями, не могущими отнынѣ стать страшными.

Когда центральная власть обнаружитъ истинно прогрессивный характеръ, она найдетъ французское общество готовымъ къ сильному ограниченію мѣстной власти, путемъ сокращенія на три четверти чрезмѣрнаго числа членовъ представительнаго собранія, или же сведенія ея существенныхъ правъ къ періодическому вотированію налоговъ. Послѣдняя ретроградная фаза и продолжительный застой при парламентарномъ режимѣ вызвали въ этомъ отношеніи въ цѣломъ поколѣніи исключительныя настроенія, которыя легко могутъ измѣнить мудрое направленіе правительства и доказательство здравой философіи. Противорѣча всему нашему прошлому, они увлекаютъ насъ къ подражанію переходному политическому строю Англіи. Благодаря тому только, что въ послѣднее время представительная система сильно распространилась, она вскорѣ будетъ дискредитирована во Франціи, именно этотъ чрезвычайный подъемъ и обнаружить ея совершенную недостаточность и безпокойный характеръ, въ которыхъ ее упрекаетъ истинная философія.

Кромѣ этого существеннаго совершенствованія cadaго изъ двухъ важныхъ условій, присущихъ нашему временному режиму, позитивизмъ систематизируетъ и укрѣпляетъ ихъ внутреннюю естественную связь. Съ одной стороны, онъ даетъ понять, что истинная свобода требуетъ теперь сильнаго преобладанія центральной истинно прогрессивной власти, надлежащимъ образомъ сведенной къ практическому назначенію путемъ мудраго отреченія отъ духовнаго первенства. Ибо эта обычная

власть теперь необходима для обузданія стремленій къ притѣсненію различныхъ современныхъ доктринъ, которыя, будучи всё болѣе или менѣе несомвѣстимы съ раздѣленіемъ двухъ социальныхъ властей, побуждаютъ обосновывать умственное согласіе на матеріальномъ угнетеніи. Сверхъ того, безъ этой охранительной власти полной философской свободѣ, соотвѣтствующей нашимъ современнымъ нравамъ, угрожала бы опасность также со стороны анархическихъ наклонностей, присущихъ духовному междуцарствію. Съ другой стороны, только увеличеніе этой свободы и можетъ позволить центральной власти достигнуть постоянного преобладанія надъ мѣстной властью, что является необходимымъ для дѣйствительнаго укрѣпленія общественнаго порядка, ибо искреннее уваженіе къ свободѣ немедленно разсѣиваетъ всё опасенія, какъ бы ни началось попятное движеніе, опасенія, препятствующія благотворному расширенію этой власти.

Какъ бы эмпирически ни были эти до сихъ поръ вполне естественныя безпокойства, они, безъ сомнѣнія, прекратятся тотчасъ послѣ оффиціального провозглашенія свободы обученія и ассоціацій, ибо тогда свѣтская власть не можетъ надѣяться и даже мыслить о томъ, чтобы дать первенство какой-нибудь доктринѣ въ окончательномъ строѣ нашего республиканскаго общества.

ГЛАВА XXVIII.

Способность позитивизма преобразовывать, не опираясь ни на Бога, ни на короля.

Указанія, данныя въ этой второй части, характеризуютъ уже особую способность позитивизма не только опредѣлять и готовить будущее, но также исправлять и улучшать настоящее всегда на основаніи точной систематической оцѣнки прошлаго, на основаніи здоровой теоріи человѣческой эволюціи. Ни одна другая философія не можетъ приступить къ рѣшенію вопроса, который передовая часть человечества отнынѣ ставитъ всѣмъ своимъ духовнымъ вождямъ: преобразовать общество, не опираясь ни на Бога, ни на короля, благодаря только нормальному преобладанію, одновременно частному и общественному, социальнаго чувства, которому надлежащимъ образомъ помогаютъ позитивный разумъ и реальная дѣятельность.

ОГЛАВЛЕНИЕ IV ВЫПУСКА.

Стр.

I. Курсъ позитивной философіи Огюста Конта. 1—46

ПЕРВАЯ ЛЕКЦІЯ.

Изложеніе цѣли этого курса или общія соображенія о природѣ и значеніи позитивной философіи 1

ВТОРАЯ ЛЕКЦІЯ.

Изложеніе плана этого курса или общія соображенія объ іерархіи позитивныхъ наукъ 23

II. Синоптическая таблица курса позитивной философіи Огюста Конта. 46

III. Общій обзоръ позитивизма Огюста Конта 47—136

Предисловіе 49

Общее введеніе 50

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Основной духъ позитивизма.

Гл. I. Цѣль философіи заключается въ систематизаціи человѣческой жизни . . . 54

Гл. II. Теологическая система не сумѣла охватить практическую сторону человѣческой жизни 55

Гл. III. Позитивный духъ имѣетъ своимъ источникомъ активную жизнь 56

Гл. IV. Какъ въ позитивномъ синтезѣ, такъ и въ человѣческой природѣ чувство играетъ преобладающую роль 58

Гл. V. Назначеніе ума состоитъ въ служеніи социальнымъ чувствамъ 59

Гл. VI. Теологическая философія считала умъ рабомъ сердца; въ позитивной системѣ онъ разсматривается, какъ слуга послѣдняго 61

Гл. VII. Субъективный принципъ позитивизма: умъ долженъ служить сердцу . . . 62

Гл. VIII. Внѣшній міръ, объясняемый наукой, образуетъ объективное основаніе позитивизма 63

Гл. IX.	Внѣшній порядокъ сдерживаетъ наши эгоистическіе инстинкты и возбуждаетъ наши альтруистическія чувства	65
Гл. X.	Наши понятія о внѣшнемъ мірѣ непрерывно расширялись, но лишь недавно они стали удовлетворительными	66
Гл. XI.	Даже если внѣшній міръ неизмѣняемъ, онъ оказываетъ на характеръ человѣка благотворное вліяніе	67
Гл. XII.	Внѣшній міръ чаще всего видоизмѣняемъ въ извѣстныхъ предѣлахъ	69
Гл. XIII.	Чтобы создать позитивный синтезъ, нужно было преодолѣть огромное теоретическое затрудненіе: дополнить понятіе объ естественномъ законѣ и распространить его на социальныя и моральныя явленія	74
Гл. XIV.	Открытіе социологическихъ законовъ придаетъ социальнымъ вопросамъ большое значеніе. Субъективный принципъ позитивизма не представляетъ опасности для свободной мысли	74
Гл. XV.	Естественные законы бываютъ двухъ родовъ: абстрактные и конкретные. Званіе и систематизація абстрактныхъ законовъ обосновываютъ позитивный синтезъ	75
Гл. XVI.	Синтезъ абстрактныхъ законовъ вытекаетъ изъ теоріи человѣческой эволюціи	77
Гл. XVII.	Возможность приступить къ социальному преобразованію	80
Гл. XVIII.	Не нужно смѣшивать позитивизмъ съ атеизмомъ, матеріализмомъ, фатализмомъ или оптимизмомъ. Какъ атеизмъ, такъ и теологія стремятся разрѣшать неразрѣшимые вопросы	80
Гл. XIX.	Матеріализмъ стремится подчинить высшія науки низшимъ. Позитивизмъ исправляетъ эту ошибку	83
Гл. XX.	Позитивизмъ не вѣритъ въ неизбѣжность судьбы: онъ поддерживаетъ мнѣніе, что человѣкъ можетъ и долженъ видоизмѣнять внѣшній порядокъ	86
Гл. XXI.	Позитивизмъ не говоритъ, что все къ лучшему въ этомъ мірѣ: историческіе факты онъ разсматриваетъ относительно, но не оправдываетъ всѣхъ	87
Гл. XXII.	Различныя значенія слова «позитивное»: относительное, органическое, точное, достовѣрное, полезное, дѣйствительное. Позже оно получить также моральное значеніе	88

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Соціальное назначеніе позитивизма, вытекающее изъ необходимой связи его со всей великой западной революціей

Гл. I.	Связь между французской революціей и позитивизмомъ	90
Гл. II.	Отрицательная или разрушительная фаза революціи благоприятствовала идеѣ прогресса, и слѣдовательно, изученію социальныхъ явленій	91
Гл. III.	Доказательства безсилія метафизической или критической доктрины.	94
Гл. IV.	Періодъ реакціи (отъ 1794 до 1830 г.)	95
Гл. V.	Стаціонарное состояніе (отъ 1830 до 1848 г.)	96

Гл. VI. Уничтоженіе королевской власти. Республиканскій духъ предполагаетъ подчиненіе политики морали	97
Гл. VII. Необходимое согласованіе между порядкомъ и прогрессомъ. Порядокъ останется регрессивнымъ, пока прогрессъ будетъ анархическимъ	98
Гл. VIII. Неудовлетворительность различныхъ политическихъ партій	100
Гл. IX. Необходимость новой общей доктрины	101
Гл. X. Реформа должна быть сначала интеллектуальной; она должна распространиться на весь западъ	104
Гл. XI. Западная республика обнимаетъ Францію, Италію, Испанію, Англию и Германію.	106
Гл. XII. Первая попытка отдѣлить духовную власть отъ свѣтской имѣла мѣсто въ католическомъ средневѣковѣ	108
Гл. XIII. Отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской. Учрежденіе духовной власти, какъ органа Западной Республики	110
Гл. XIV. Нравственное ученіе позитивизма. Оно состоитъ въ возвышеніи альтруизма надъ эгоизмомъ, общественныхъ интересовъ надъ личными	112
Гл. XV. Нравственная прогрессія чувствъ: личныя, семейныя, общественныя. Человѣческое сердце можетъ перейти отъ перваго члена къ третьему только подъ вліяніемъ семейныхъ чувствъ	114
Гл. XVI. Альтруизмъ есть истинное основаніе личной морали	116
Гл. XVII. Нравственное воспитаніе должно быть основано на разсудкѣ и на чувствѣ	117
Гл. XVIII. Моральное воздѣйствіе духовной власти на общественное мнѣніе: распредѣленіе похвалъ и порицаній, прославленіе великихъ людей, осужденіе главныхъ ретроградовъ	119
Гл. XIX. Девизъ позитивизма: порядокъ и прогрессъ	121
Гл. XX. Прогрессъ есть только развитіе порядка	122
Гл. XXI. Теорія прогресса: матеріальнаго, физическаго, интеллектуальнаго и моральнаго	122
Гл. XXII. Политическія указанія. Переходной режимъ. Временное правительство	125
Гл. XXIII. Духовное преобразование должно предшествовать свѣтской реформѣ	127
Гл. XXIV. Задача правительства (въ теченіе духовнаго междуцарствія: обезпечить матеріальный порядокъ, гарантировать свободу слова и преній	129
Гл. XXV. Девизъ 1830 года соотвѣтствовалъ политическому состоянію	132
Гл. XXVI. Свобода обученія. Упраздненіе бюджета исповѣданій и бюджета университета	133
Гл. XXVII. Преобладаніе центральной власти необходимо для обезпеченія общественнаго порядка	134
Гл. XXVIII. Способность позитивизма преобразовывать, не опираясь ни на Бога, ни на короля	136

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВОЗНАНІЯ „СОВРЕМЕННОЕ ЧЕЛОВѢЧЕСТВО“

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ Г. М. БИКЕРМАНА.

Предполагается около 30-ти томовъ.

До настоящаго времени вышли изъ печати:

1) ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КИТАЯ,

Литература, религія и культъ, проф. В. Грубе.

Цѣна 2 рубля, въ переплетѣ 2 руб. 25 коп.

Книга нѣмецкаго ученаго содержитъ въ первой части очеркъ китайской литературы съ древнѣйшихъ временъ до послѣдняго времени. Лирика, драма, повѣствовательная литература и философія древнѣйшаго изъ современныхъ культурныхъ народовъ очерчены и въ ихъ взаимодѣйствіи и въ ихъ связи съ общимъ міровоззрѣніемъ народа и укладомъ его жизни; приведены образцы древнѣйшей и болѣе поздней китайской поэзіи. Вторая часть говоритъ о древнѣйшей народной религіи, конфуціанствѣ, даосизмѣ, буддизмѣ и современной народной религіи; о храмовомъ служеніи, жертвоприношеніяхъ, о похоронныхъ и другихъ обычаяхъ, о повѣрьяхъ и обрядахъ. Въ цѣломъ книга даетъ полную картину духовной культуры Китая.

Съ 6 рисунками въ текстъ и 8 иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ.

2) ЛЕКЦІИ ОБЪ ИСЛАМѢ,

проф. въ Будапештѣ Г. Гольдцигера.

Цѣна 2 рубля, въ переплетѣ 2 руб. 25 коп.

Исламъ не религія только, а своеобразная культура, въ формахъ которой живутъ до 300 милл. людей. Будапештскій ученый знакомитъ насъ въ своихъ лекціяхъ съ развитіемъ Ислама на протяженіи столѣтій отъ пророчества Магомета до открытія турецкаго и персидскаго парламентовъ и позже до нашихъ дней. Законъ Ислама, его философія, общественныя воззрѣнія мусульманскаго міра, существующія въ немъ направленія, школы и секты—въ этотъ сложный и малознакомый европейцамъ міръ вводитъ насъ книга Гольдцигера. Къ книгѣ приложена статья извѣстнаго ориенталиста Г. Вамбери: Культурное движеніе среди русскихъ татаръ.

3) СОВРЕМЕННЫЙ КИТАЙ, Жана Роде.

Цѣна 2 рубля, въ переплетѣ 2 руб. 25 коп.

Книга французскаго изслѣдователя знакомитъ насъ съ общественно-политической жизнью современнаго Китая. Первая часть рисуеъ политической строй стараго Китая, его бюрократическій и придворные нравы, личность знаменитой, нынѣ умершей, вдовствующей Императрицы, Юаньшикая и другихъ. Вторая часть знакомитъ насъ съ реформами послѣднихъ лѣтъ—военной, административной, политической, школьной и т. д. Послѣдняя часть рисуеъ переворотъ, произошедшій въ послѣдніе годы въ сознаніи китайскаго народа, знакомитъ насъ съ китайской прессой, партіями, тайными обществами и т. д.

4) ПЕРСИЯ и ПЕРСИДСКАЯ СМУТА, В. БЕРГА.

Цѣна 2 рубля, въ переплетѣ 2 руб. 25 коп.

Своеобразная природа страны и положеніе ея въ современномъ мірѣ; разнообразіе населяющихъ ее племенъ и ихъ бытъ, уровни и формы культуры; политическій строй и экономическія отношенія, многообразныя, пестрыя наслоенія духовной культуры страны; наконецъ, новыя движенія, переживаемыя Персіей въ послѣдніе годы,—таково содержаніе книги французскаго изслѣдователя странъ Ближняго Востока.

5) ТРЕСТЫ и СИНДИКАТЫ, проф. I. Шастена.

Цѣна 2 рубля, въ переплетѣ 2 руб. 25 коп.

Авторъ въ первой части своей книги даетъ обстоятельный очеркъ развитія предпринимательскихъ коалицій и теперешняго состоянія ихъ въ Западной Европѣ, Россіи и Соединенныхъ Штатахъ. Вторая часть разсматриваетъ синдикаты съ экономической точки зрѣнія—ихъ отношеніе къ конкуренціи, вліяніе на цѣны продуктовъ, на заработную плату и т. д. Третья часть говоритъ о синдикатахъ съ социальной точки зрѣнія—о вліяніи синдиката на личную инициативу, о соотношеніи между синдикатами и государствами и т. д.

6) КООПЕРАЦІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ, Ч. Р. ФЭЯ.

Цѣна 2 рубля, въ переплетѣ 2 руб. 25 коп.

Изслѣдованіе Фэя обнимаетъ Соединенное королевство, Германию, Данію, Швейцарію, Францію, Бельгію и Италію. Во всѣхъ этихъ странахъ авторъ изучаетъ кооперацію во всѣхъ ея проявленіяхъ: кредитныя товарищества въ городахъ и селахъ, національныя кооперативныя банки, сельско-хозяйственныя товарищества, въ частности—кооперативныя молочныя, производительныя товарищества, потребительныя товарищества. Весь этотъ обширный и разнообразный міръ авторъ изучилъ не по литературнымъ источникамъ только, а также непосредственнымъ наблюденіемъ. Мѣстнымъ особенностямъ разныхъ странъ въ книгѣ удѣлено меньше вниманія, чѣмъ явленіямъ, свойственнымъ кооперативному дѣлу вообще; но и изучая особенности той или другой страны, авторъ не въ случайномъ останавливался, а на такихъ лишь явленіяхъ, которыя объясняютъ успѣхъ однѣхъ отраслей коопераціи и неуспѣхъ другихъ, вскрываютъ природу кооперативнаго дѣла вообще и становятся поучительными для всѣхъ. Настойчивый въ анализѣ и осторожный въ выводахъ, авторъ написалъ изслѣдованіе, одинаково далекое и отъ необоснованной восторженности и отъ чрезмѣрной недовѣрчивости: несправедливыя нападки на кооперацію и легковѣсныя возраженія авторъ отклоняетъ съ той же силой убѣжденія и съ тѣмъ же знаніемъ дѣла, что и неразумныя чванливости. Авторъ далъ многостороннее, вдумчивое изслѣдованіе, проникнутое любовью къ трудящемуся и глубокой вѣрой въ творческую силу самодѣятельности.

Печатаются:

- 1) БИРЖА И ЕЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ, О. Штиллиха. Перев. съ нѣмецкаго.
- 2) СОВРЕМЕННАЯ АНГЛІЯ, Луи Казаміана. Перев. съ французскаго.

Готовится къ печати:

ИНДІЯ, Шайя.